

ляемся свидетелями раздробления, расщепления «великих историй» и появления множества более простых, мелких, локальных «историй-рассказов». Все внимание концентрируется на «единичных фактах», на «несоизмеримых величинах» и «локальных» процессах. Специфика искусства постмодерна проявляется в том, что «выдвигает на передний план непредставимое, неизобразимое в самом изображении... Оно отказывается утешаться прекрасными формами, консенсусом вкуса. Оно ищет новые способы изображения, но не для того, чтобы получить от них эстетическое наслаждение, а для того, чтобы с еще большей остротой передать ощущение того, что нельзя представить» [Ильин 1998].

Одним из наиболее распространенных принципов определения специфики искусства постмодернизма является подход к нему как к своеобразному художественному коду, т.е. своду правил организации «текста» художественного произведения. Трудность этого подхода заключается в том, что постмодернизм с формальной точки зрения выступает как искусство, сознательно отвергающее всякие правила и ограничения, выработанные предшествующей культурной традицией.

Литература

1. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.
2. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М., 1998.

О.А.Усачёва, В.Г.Котьякова
Самарский государственный университет

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ С СЕМАНТИКОЙ РАЗМЕРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.М.ШУКШИНА

В последнее время всё более актуальным становится исследование функционирования средств выражения количества в идиостилях писателей и поэтов. В этой области можно назвать работу Н.Г. Большаковой, посвящённую изучению единиц с количественной семантикой в идиостиле В.Набокова, исследование Т.Б. Радбиль, предметом которого является выражение квантитативных отношений в языке А. Платонова, и др.

Как отмечает Н.Г. Большакова, «категория КОЛИЧЕСТВО не входит ни в число традиционно выделяемых глобальных текстовых категорий, ни в число категорий мира текста, однако созданный автором мир, понимаемый как референтное пространство, которое делится на сферы: вещные, персонажные (субъектные), помещённые в определённый хронотоп, и событийные, – необходимо предстаёт в качественно-количественной интерпретации. Единицы с количественной, качественно-количественной и количественно-оценочной семантикой обнаруживаются в любом идиолекте (индивидуальной манифестации языка этнического) и идиостиле (системе доминантных принципов вербализации индивидуального художественного мира), но их доля и место в обозначенных структурах во

многим определяют уникальность и неповторимость созданного художником мира» [Большакова 2005: 521-522].

Предметом нашего исследования является авторское функционально-семантическое микрополе размера – одного из частных проявлений категории количества – в произведениях В.М. Шукшина. Рассматриваемое авторское микрополе представлено многообразными средствами: лексическими, словообразовательными, фразеологическими, синтаксическими.

Языковые единицы с семантикой размера в текстах В.М. Шукшина отличаются высокой частотностью употребления. О повышенном внимании писателя к размерным характеристикам свидетельствуют и данные статистического исследования С.В. Мироновой, согласно которым среди всех прилагательных, употребляемых в его произведениях, самыми частотными являются пространственные адъективы [Миронова 2006: 147].

Особенности использования средств выражения размера обнаруживают тесную взаимосвязь со стилевой спецификой произведений

В.М. Шукшина: ориентацией на **разговорную речь**; **антропоцентричностью** художественного мира автора; **антиномичностью** текстов произведений.

С установкой на разговорную речь связан выбор средств выражения размера, частотность их употребления, соотношение субполей «большой размер» и «малый размер».

Так, особенностью авторского поля является высокая употребительность словообразовательных средств характеристики размера. Наряду с параметрическими прилагательными уменьшительные и увеличительные суффиксы составляют ядро рассматриваемого поля.

Суффиксы субъективной оценки могут выступать в качестве единственного средства указания на величину (в составе существительного – *топорик, церковка, старичок, головёнка, ротик*) или (в прилагательных) действовать в совокупности с корневым элементом, усиливая значение большого / малого размера: *большущий, широченный, узенький коротенький*. Например: *И часики у неё на руке помнил Алёша – маленькие (трофейные), узенький ремешок врезался в мякоть руки* (Алеша Бесконвойный).

Был у нас солдатик, вроде Веньки вон: щупленький такой же, молодой, лет двадцати, наверно. ... И фашисты были – под потолок рослые, а тот солдатик – ... не больше Веньки (Мой зять украл машину дров!). Попадаетя на дороге старичок. Так себе – старичок. Бородка беленькая, сам небольшой (Любавины).

Исследование показало, что в художественных текстах В.М. Шукшина как в составе существительных, так и в составе прилагательных значительно преобладают уменьшительные суффиксы. Из 238 зафиксированных нами случаев употребления суффиксов только в 47 примерах используются суффиксы со значением увеличения.

Частотность употребления писателем уменьшительных суффиксов во многом обуславливает расширение авторского субполя «малый размер». Авторское субполе «большой размер» по количественному составу незначительно превышает субполе «малый размер» (58 % к 42 %), в то время как общепризнанным является факт значительного преобладания по частоте употребления в речи языковых единиц, обозначающих большую величину, над единицами с семантикой малой величины.

В произведениях В.М.Шукшина отмечается широкое использование лексических средств выражения размера разговорного и просторечного характера. Так, фиксируется широкое многообразие стилистически окрашен-

ных прилагательных, актуализирующих в контексте наряду семой качества сему величины: *здоровый, здоровенный, рослый, долговязый, большущий, квадратный, саженный, пышный, щуплый, поджарый, сухопарый, сухой, крошечный* и др. Достаточно широко в рассматриваемом материале представлены прилагательные, характеризующие лиц по отличительной черте внешности – значительного размера. Это сложные слова типа *большеголовый, большеротый, большеглазый, широкоплечий, длинноногий, толстопузый*; а также лексемы с суффиксами -аст-, -ат-: *лобастый, глазастый, скуластый, мордастый, носатый*. Например: *Ярыга, большеротый, глазастый, рассказывал... (Я пришел дать вам волю). Большоголовый прикурил, заботливо отмахнул от окна белое облачко дыма (Заревой дождь). Вот разохотился в торговлишке рослый, носатый казак (Я пришёл дать вам волю).*

Проза В.М.Шукшина характеризуется частым употреблением размерных метафор-существительных. В большинстве своём они являются просторечными и используются в речи героев произведений. Наиболее продуктивные группы составляют зооморфные и предметные метафоры, актуализирующие значение большой величины персонажа: *бык, бугай, буйвол, кабан, боров, жеребец, медведь, журавль и др.; оглобля, жердь, орясина, телефонный столб, телеграф и др.* Как правило, метафоры такого рода выражают отрицательную оценку. Например: *Здоровый буйвол, а драться не умеет (Змеиный яд). – Ты гляди, что выделявает, боров... спрятаться хочет (Любавины). – А кого бояться-то? – продолжал он тем же добродушно-уважительным тоном. – Вот эту оглоблю? (Любавины).*

Показательно, что в качестве усилителей значения размера в текстах В.М.Шукшина крайне редко употребляются наречия и абсолютно не используются сложные предложения с придаточным степени типа такой большой, что... Автор отдаёт приоритет другим языковым средствам.

Для идиостиля В.М. Шукшина характерно, во-первых, использование экспрессивных прилагательных, употребление с которыми наречий меры и степени является избыточным: *здоровый, долговязый, широченный, здоровенный, низенький, большущий и др.* Во-вторых, В.М. Шукшин активно использует сочетания прилагательных с существительными, имеющими уменьшительные или увеличительные суффиксы, где определение уже является усилителем размерной характеристики, типа: *широкая спинница, маленькая головенка, большая рыбина* и т.д. Словосочетания такого рода могут содержать графические средства, отражающие интонационное усиление признака, свойственное разговорной речи. Например: *ма-аленький клочочек ваты, ма-аленький рецептик, домина у него был здорове-енный*. Также писатель обращается к приёму лексического повтора. Например: *тонкий-тонкий кончик проволоки; большая, большая печь*.

Основными объектами количественной (размерной) оценки в произведениях В.М.Шукшина являются человек, предметный мир, природа, жи-

вотные. По данным нашего исследования, бóльшая часть всех средств выражения размера (57%) используется для характеристики внешности человека, что соответствует высказываемому многими исследователями положению о подчёркнутой антропоцентричности мира Шукшина. Показательно, что средства выражения величины персонажа доминируют на всех языковых уровнях – даже на словообразовательном (солдатик, старичок, князёк, казачина, глазёнки, ручищи и др.).

Размерная характеристика нередко становится в тексте В.М. Шукшина отличительным признаком героя. Представление героя автором, а также описание его восприятия другим персонажем, как правило, содержит указание на размер. Приведём примеры начала некоторых рассказов В.М.Шукшина: *Жил-был в селе Чебровка некто Сёмка Рысь, забулдыга, непревзойдённый столяр. Длинный, худой, носатый – совсем не богатырь на вид* (Мастер). *Гринька, по общему мнению односельчан, был человек недоразвитый, придурковатый. Был он здоровенный парень с длинными руками, горбоносый, с вытянутым, как у лошади, лицом* (Гринька Малюгин).

Очень часто языковые единицы с семантикой величины выполняют в произведениях В.М. Шукшина текстообразующую функцию. Многократно повторяясь в тексте, размерные характеристики акцентируют внимание читателя на определённой черте внешности персонажей и вместе с тем нередко участвуют в раскрытии особенностей характеров героев.

В ходе исследования нами было отмечено индивидуально-авторское расширение семантики отдельных параметрических слов. Так, прилагательное *длинный*, употребляясь применительно к человеку, нередко приобретает в произведениях В.М. Шукшина дополнительный смысл «другой, непохожий на окружающих». Автор часто использует эту лексему, чтобы подчеркнуть нестандартность персонажей, называемых «чудиками». Данная черта представлена, например, в портретном описании таких героев, как Сёмка Рысь, Васёка, Алёша Бесконвойный и др. Например: *С работы Васёка шагал всегда быстро. Размахивал руками – длинный, нескладный* (Стенька Разин). *Но надо ещё наносить воды... Алёша старался только поскорей натаскать. Так семенил ногами, когда нёс на коромысле полные вёдра, так выгибался длинной своей фигурой, чтобы не плескаться из вёдер, смех смотреть* (Алёша Бесконвойный).

В романе «Любавины» внешний признак «длинный» является доминантным при характеристике Кузьмы Родионова, прибывшего в деревню, чтобы сломать устоявшиеся правила её жизни. Данная устойчивая характеристика персонажа призвана акцентировать его непохожесть на окружающих. Например: *Он [Кузьма] стоял посреди дороги – длинный, взволнованный и неуклонный. // Кузьма пошел грудью на старика – длинный, тонкий, прямой и безрассудный.* Мысль о внешнем отличии Кузьмы от деревенских жителей, за которым стоит его внутреннее несходство с ними, присутствует и в речи персонажей. Так, деревенская девушка Клавдия гово-

рит городскому парню: – *А я, Кузенька, думаю тоже. Ночи не сплю думаю. Любить мне охота... А некого. Наши... здоровенные все, как жеребцы, ишибко уж неинтересно с ими. Ты другой вроде.* Клавдя не раз в романе ласково называет Кузьму длинненьким. Например: *Может, ты выдумал всё, а? Милый ты мой, длинненький! // Ешь, ешь, мой милый, длинненький мой.*

Показательно употребление прилагательного *длинный* во фрагменте, где описывается зарождение дружбы Кузьмы и Феди Байкалова: *Федя молчал. Серьёзно смотрел на Кузьму и чувствовал, как этот длинный честный парень вместе со своим горем входит в его большую, емкую душу, становится понятным ему, становится другом.* Фраза *длинный парень становится понятным ему* свидетельствует о преодолении отчуждения, Федя принимает этого непохожего на деревенских жителей парня в круг своих друзей.

Говоря о творчестве В.М.Шукшина, многие исследователи отмечают, что «основной чертой художественной эстетики писателя является антиномичность, пронизывающая все уровни шукшинского текста...» [Хисамова 2008 : 101]. Нередко антонимические средства выражения размера участвуют в создании приёма антитезы как в рамках минимального контекста, так и в составе всего произведения.

В.М.Шукшин часто употребляет полярные по значению размерные прилагательные в одном контексте. Например: *Марфа, грозная, большая Марфа, подбоченившись, строго смотрела сверху на Антипа. Сухой, маленький Антип стойко выдерживал её взгляд (Одни). И рука его, могучая рука кузнеца, притронулась к худому плечу городского парня. Свело же что-то этих непохожих людей! (Любавины).*

Приём антитезы особенно ярко проявляет себя в романе «Любавины». Использование антонимических слов с семантикой размера при характеристике внешности разных персонажей способствует текстообразованию, подчёркивая противоположные внутренние качества тех или иных героев. Так, например, при описании внешности деревенских женщин в романе практически исключительно используются лексемы со значением большой величины: *На крыльце... появилась Хавронья, бойкая крупная баба. // Марья потрянула головой, запрокинула полные крепкие руки, поправила волосы. // Фекла вышла на крыльцо и, скрестив на могучей груди полные руки, спокойно смотрела на Любавиных. На этом фоне выделяется одна героиня – Клавдя: Маленькая, аккуратная, броская, сама как цветок, неожиданный и яркий. // Из горницы вышла девка в пёстром ситцевом платье – крепкая, лёгкая на ходу, с маленькой, гордо посаженной головой.* За акцентированием внешних отличий Клавди от других женщин стоит привлечение внимания к отличиям внутренним – её взгляды на жизнь отличаются от традиционных деревенских взглядов. Она сама выбирает себе в мужа Кузьму, за-

ставляет его жениться. Вся деревня настороженно относилась к «чужаку» Кузьме, а Клавдия полюбила его именно потому, что он не такой, как все.

Итак, употребление языковых единиц с семантикой размера составляет важную особенность идиостиля В.М.Шукшина. Средства выражения размера выполняют в его произведениях изобразительную, оценочную, текстообразующую стилистические функции.

Литература

1. Большакова, Г.Н. Единицы с количественной, качественно-количественной и количественно-оценочной семантикой в идиолекте и идиостиле В.Набокова // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка / отв. ред. Н.Д.Арутюнова. М.: Индрик, 2005. С. 521-534.

2. Миронова, С.В. Функционально-статистические особенности имён прилагательных в прозаических текстах (на материале произведений М.Магдеева и В.М.Шукшина): дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2006.

3. Хисамова, Г.Г. Социально-психологические типы языковых личностей в рассказах В.М. Шукшина // Филологические науки. 2008. № 4. С. 100-109.

И.Н. Иванова

Ульяновский государственный университет

ПЕРЕЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИКИ ВРЕМЕНИ В КНИГЕ СТИХОВ Б. ПАСТЕРНАКА «КОГДА РАЗГУЛЯЕТСЯ»

«Пастернаковские перечисления» определяются исследователями творчества Б. Пастернака как яркая черта его поэзии (см., напр., [Жолковский 1974]). Мы рассматриваем предикативные перечислительные конструкции (далее ПК) – простые предложения с однородными сказуемыми, сложносочиненные предложения и соотносимые с ними бессоюзные сложные предложения, сверхфразовые единства. Для Пастернака-поэта характерны внимание к деталям, выделенность явлений, интерес к отдельному мгновению. «Любимые пастернаковские образы, – отмечает М.Н. Эпштейн, – дробные: ветки, почки, капли, льдинки – все, что сыплется, брызжет, трепещет» [Эпштейн 1990: 250]. Это подробности окружающего мира и, в частности, подробности временные. М. Цветаева так говорит об этой особенности лирики поэта: «Обилие его <быта>, подробность его и «прозрачность» его. Не только приметы дня: часа!» [Цветаева 1990: 53]. Перечислительные конструкции – те единицы, которые способны изображать мир в движении, в мельчайших подробностях и переходах.